

*** Очередной прекрасный день ***

Стоял прекрасный теплый день: весна в самом соку. Путь на очередной урок в музыкальную школу проходил по излюбленной брусчатке, выложенной старыми неровными кирпичами, вдоль которой по бокам длились ряды из каштанов, дубов и ясеней. Через их живую листву тонкими лучами играло солнце, легонько покалывая глаза прохожим.

Юный гитарист с особенной отрадой смотрел по бокам, по-детски улыбаясь. Он крутил Землю своими длинными шагами, широко раскачивая портфель с нотами. Ему казалось, что в такой прекрасный день, когда весь мир в самых ярких красках, когда всё будто бы робко улыбается в ответ, когда он так просто рад любой мелочи в окружающем мире, воспрянет также и его исполнительский талант – тот, к оттачиванию которого он так трепетно относится. Мальчишка топал, чуть подпрыгивая и с усилием сдерживая хохот, готовый выйти из его глубоко дышащей груди; пока шел своей излюбленно-привычной дорогой в школу искусств.

Теми же шустрými скачками он взлетел на третий этаж, где находился кабинет его учителя, и, переведя дыхание, открыл дверь.

— Здравствуйте, Юлия Сергеевна! — несвойственно тихо для себя произнес он.

— Добрый день, Антоша, занимай позицию!

Антон шагнул в слегка тесноватый ярко освещенный кабинет. Сев на стул и поставив ногу на подставку, он взял гитару.

— Сегодня играем ансамбль с учителем из соседнего кабинета. Не забыл? — спросила Юлия Сергеевна.

Немного помолчав, ученик ответил утвердительно, но немного растерянно. Он хорошо знал свою партию, но играть со скрипачкой, да ещё и с учителем, для него задачей являлось довольно волнительной.

Антону было приказано разыграться и пройтись ещё раз по партии. Ему было комфортно здесь, в этом кабинете, со своим учителем. Они без особых проблем быстро повторили то, что сейчас будет необходимо играть, даже волнение немного отпустило его ум – вспомнив партию, Антоша обрел в себе прежнюю легкость.

Вдруг после короткого стука дверь в кабинет открылась, и из коридора показалась маленькая заостренная улыбающаяся мордашка:

— Здравствуйте, Ирина Михайловна, — подняла на неё взгляд Юлия Сергеевна, — вы уже готовы составить нам компанию?

Та звонко хихикнула и ответила:

— Пока нет, но, как я выпью немного своего любимого чая, буду в полной готовности.

— Что ж, тогда мы постучимся, — решили они.

Затем они бросили, улыбаясь друг другу, пару их тех фраз, которые кидают коллеги, пытающиеся делать вид, что они находятся в хороших отношениях и, в целом, общаются мирно.

Стоит рассказать об особенностях этого самого ансамбля. Существуют две партии: гитарная и скрипичная – все начинается с гитарного вступления с пометкой «ad libitum», что можно перевести как «необязательно» - эта вещь относилась к ритму того самого вступления. То есть оно игралось Антоном неровно, на что Юлия Сергеевна никак не реагировала из-за того самого «ad libitum». В этом же вступлении подключалась и скрипка, затем инструменты играли вместе до самого конца.

Пробежавшись ещё раз глазами по тексту и пальцами по грифу, Антоша подал знак, что готов идти, хотя выражение его лица было таким, словно он идёт в бой, с которого не вернётся. Он был бледен, а ладони – словно окунул их в масло. В холодное масло.

Они вышли из уютного теплого кабинета. Место назначения находилось сразу слева, Антон отпёр дверь. Комната представляла собой кабинет с бóльшим количеством свободного места, чем в предыдущем, однако окна были занавешены чем-то столько плотным, что царил чуть ли не мрак, если б не тускло горящая люстра.

Антоша поприветствовал Ирину Михайловну (в тот раз он этого не сделал), которая мило сопровождала его до стула. Он шел с непонятной бдительностью, теребя струны чуть

дальше верхнего порожка. Усевшись и поставив ноты на пюпитр, ученик оглядел преподавателей: они вновь обменялись мерзкими улыбками, которые только больше сгущали обстановку.

Ирина Михайловна, опомнившись, запрыгала по кабинету с охами и ахами, бубня под нос что-то из ряда «где же моя скрипочка» и «где же мои нотки». Её маленькие ножки быстро пробежались по всему периметру, она взяла в руки скрипку, ноты поставила на стоящее рядом фортепиано и, дав себе ноту, принялась настраивать свой инструмент.

По готовности скрипачка и Антон переглянулись, второй начал делать какое-то нелепое движение головой, якобы вступая в свою партию. Она это поняла и начала ждать момента своего вступления. Вслушиваясь, Ирина Михайловна нахмурила свои темно накрашенные брови в замешательстве: она чётко слышала, как неритмично Антон играл вступление. Это было ужасно, в первую очередь, для её абсолютного слуха и чётко выструганного чувства ритма. «А как же тогда ритмично вступать мне в этот неритмичный аккомпанемент?» - пронеслось у нее в голове, однако музыка продолжилась, скрипка кое-как влезла.

Затем помчалась основная часть, очень быстрая. Тут уж к игре Антона, особенно в части ритма, нельзя было придаться. Они сыграли всё до конца, с репризой, как положено, и остановились. Антон, раскрасневшийся, глядел в несуществующую точку на полу, учителя кивнули друг другу, тем самым сказав, что (вроде бы) всё недурно. Хотя Ирина Михайловна всё ещё была ошарашена таким вступлением. Она, сдерживаясь, вежливо попросила Антона в следующий раз последить за ритмом в начале. Тот кивнул, глядя на неё каким-то глупым взглядом.

Начинался второй раунд. Исполнители вновь переглянулись, как и в первый раз. Началась вступление. Невзирая на то, что Антон, вроде бы, сдерживал себя и старался, по большому счёту ничего не изменилось.

Тут Ирина Михайловна не могла попросту кротко пытаться подстроиться под это, как она поступила в первый раз. Её одновременно разрывало от непонимания того, как в третьем классе музыкальной школы можно так неритмично играть; от нарушения её внутренней уравновешенности и от нежелания на репетиции кого-то чему-то учить.

— Стоп, музыка! — завопила она. — Вы разве ничего не слышите?

— Что-то не так, Вам что-то не нравится? — тоненько прошептал Антоша.

— Ты не можешь ровно сыграть вступление – вот что не так!

— Как же, Вы попросили. В этот раз, по-моему, я играл ровнее.

— Ничего подобного, - продолжала пищать она, - Юлия Сергеевна, Вы ничего не слышите?

— Пусть начнет ещё раз, — негромко сказала гитаристка.

Антон пытался держать себя в руках, хотя если бы все замолчали, то было бы слышно его пыхтение и быстрое биение сердца. Он обтёр об свои штаны потные ладони и взялся за гриф. Пошла музыка, и вновь она была неритмична. Недослушав, Ирина Михайловна вновь взялась:

— Вот, вот! Видите... вернее, слышите, Юлия Сергеевна?

Та вздохнула, перекинув одну ногу на другую, и призналась:

— Да, есть тут недочёт.

— Да не недочёт, а позор целый! – всё не унималась скрипачка.

— Антоша, давай просто быстро пробежимся и разберёмся, — предложила Юлия Сергеевна, — там всё равно, без длинных или коротких, давай ещё раз.

Антон начал играть, в этот раз медленно, пытаясь топтать себе в такт. Но так быстро сыграть по-иному заученную партию очень трудно. Вновь неровно.

— Ну, Вы слышите, слышите?

— М-да, и вправду неровно играешь, Антоша.

Антон стиснул зубы, больно покусывая щёки внутри рта, он начал снова под вопли хозяйки кабинета. Первая, вторая нота. Ля первой октавы, ре...

— Да остановись ты! Неужели не слышишь: неритмично! – пронзительно донеслось до него со стороны скрипачки.

Всё это время их разделяла его темная чёлка, закрывающая уши и глаза. Он взбросил её вверх и произнёс, глядя прямо ей в глаза:

— Да как я могу две ноты-то неритмично сыграть? Две-то как? – наконец вырвалось из него.

— Мне вот самой интересно! Что тут трудного: раз, два, раз, два – давай под мой счет!

Но у него, конечно, ничего не выходило.

— Ну что трудного, Антоша? Всё ровно: Ан-тон, Ан-тон, Ан-тон - шесть восьмых в такте! Дошкольный ритм, — всё продолжала кричать и возмущаться Ирина Михайловна.

Его сильно задело то, как она переложила его имя на доли такта, но он старался не грубить.

— Несите уж тогда метроном, трудно мне на слух Ваши счёты воспринимать!

— Ты смеешься? Какой ещё метроном? Тебе лет сколько, чтоб о метрономе просить?

— Что ж, так или иначе, криками вы точно мне пальцы не выправите! – в чуть ли не в иступлении сказал он.

— Кажется я поняла, в чем тут загвоздка, - наконец вмешалась Юлия Сергеевна, - тут моя вина.

Антон не поверил своим ушам.

— Над вступлением написано «ad libitum», — продолжала она, — поэтому я не вносила никаких поправок в его игру раньше. По факту он просто играл так, как тут сказано - «ad libitum», но, коль такое дело, мы с ним быстро это исправим.

Ирина Михайловна в мгновение сменила гнев на милость, её лицо будто отчистилось:

— Что ж, тогда идите исправлять, — уже милым голосом сказала недавно кричавшая учительница.

Антон встал, держа в одной руке гитару, в другой – и ноты, и подставку. Он вышел из кабинета, ничего не сказав и глядя в пол, его красное от желания разреветься и жара лицо так горело, что, казалось, если бы его волосы в тот момент подняли, то вся комната скрипачки озарилась бы светом, как от лампы накаливания. Юлия Сергеевна обменялась с ней таким же сухим и безобразным «Пока».

Спустя полминуты он был в том же уютном кабинете, только он уже не был таким светлым: свинцовая туча покрывала границы окна.

Ему было наказано самостоятельно разобраться с ритмом, поиграть с метрономом. Юлия Сергеевна уж хотела сказать какие-то ободрительные слова ему, но и моргнуть не успела, как он вылетел из кабинета.

Не прошло и двадцати секунд, как он выбежал из школы и направился на автобусную остановку, где, уже предвкушая свою участь чувствовать себя, словно селёдка в бочке, ждал свой маршрут под ровной чередой дождевых капель, падающих ему на темечко с крыши переполненной остановки.

Туда его провожали лишь печальные ивы, играющие своими длинными пальцами по ветру. Их развязную игру прерывал безобразный бой дождя.

«Зачем вообще пытаться, зачем играть что-то, — думал он, топая на остановку, — если не усвоены такие основы? Бездарность. Конечно, дело не в этом чертовом «ad libitum», я вообще не знал про него, даже не видел в тексте... даже если видел, то не понял, что это, и не обратил внимания. Дело лишь в том, кем я решил себя возомнить, когда не могу сыграть ровно череду нот. Какое там училище, когда я даже с другим человеком сыграть не смогу просто ритмично и правильно? Пропади я пропадом, о каком таланте говорить можно, когда другие такие вещи схватывают на лету, а мне ещё нужно это усваивать...?»

Эх, вот был бы у меня этот талант, виртуозность... Как бы я был тогда рад! Была бы моя самая большая радость в жизни! И ничего б мне больше не нужно было...», — вот что происходило в его голове, пока он своими километровыми шагами бежал до остановки.

Остановка, полная людей; автобус, сравнимый с бочкой, с потной, распаренной бочкой; длинная тропинка до дома – и вот родные двери. Ещё с порога было слышно чей-то хохот, чоканье рюмок и громкие рассказы: родители привели гостей.

Антон неслышно пробирался по темному коридору от входной двери до своей комнаты, стараясь миновать света, исходящего из комнаты застолья, когда увидел там своего отца.

Он стоял с фотографией в рамке, показывая её гостям. На фото был тот же отец, держащий в руках подосиновик огромных размеров, с шляпкой шириной с его голову.

Он так громко смеялся, поговаривая: «Вы представляете, такой гриб сыскать! Таких размеров! Моя гордость.», — его глаза бегали, а морщинки, образованные улыбкой, так и выражали всю его чистоту в момент неконтролируемой искренности.

Антон, недоумевая, посмотрел на это выступление и наконец зашел в свою темную комнату. Он лег на свой диван, размышляя:

«Чудак ты, отец. Как можешь ты радоваться каким-то грибам, когда, скорее всего, ты даже не знаешь, в чем твой талант, когда ты не идешь по пути к высшей цели? Собираешь их раз в год, не к сбору грибов же у тебя талант...?»

Такая маленькая радость в перевес одной большой, дарующей славу и уважение... Какая чаша весов тебе дороже? Одна большая – она на то и большая, а этих маленьких в жизни – хоть отбавляй, так их много и радости от них...», — его мысль прервалась, словно его витиеватое размышление укусило само себя за хвост, словно он доказал себе отличное от того, что хотел доказать.

Он грустно – а может, и не совсем грустно – улыбнулся, повернулся на бок и крепко заснул. По его носу и щекам струились небольшие теплые слёзы.